

БЫТ ПЕТЕРБУРГСКОГО КУПЕЧЕСТВА В XIX ВЕКЕ
(ПО МЕМУАРАМ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ)*Альбин Конечный*

Купеческое сословие, наряду с другими, было учреждено Петром I, который “начал по иностранным образцам придавать русскому торговому сословию самостоятельное устройство в виде особой общины”. Главное отличие купечества от остальных сословий “состояло, кроме запрещения перехода торговым людям в другие звания, в их отдельной подсудности”. Петр I разделил купечество на две гильдии, открыл купеческие биржи и настаивал, чтобы купечество “действовало торговыми компаниями, а не врозь, и чтобы один русский купец не вел торгов в подрыв своему собрату, но чтобы все купцы действовали единодушно” (Карнович 1887: 32-33). Купцов, которые в это время были податным сословием, принудительно переселяли в Петербург — главный центр торговли с заграницей.

Так как городское население росло преимущественно за счет крестьян, то им уже в 1723 г. разрешили за определенный ценз (500 р.) и при наличии отпусковых свидетельств от помещиков, записываться в купечество и крестьяне быстро пополняли ряды торговых людей. Крестьяне всегда были самым многочисленным сословием в Петербурге: в 1869 г. их насчитывалось 31% от всего населения, а в 1897 г. — 59% (Юхнёва 1984: 38). Пробриться крестьянину в купцы стоило невероятного труда. И далеко не у всех так успешно складывались дела, как у крестьянина Ярославского уезда А. П. Березина (род. в 1728 г.), который оказался в Петербурге в 1747 г. Первое время он был прислугой у чиновника (возил воду, топил печь, сторожил дом и т. д.), затем работал в мучной лавке, скопил деньги и вступил в купеческое сословие. А к 1760-м годам он уже имел собственный дом, состоял купцом 1-й гильдии и даже был избран городским головой (Березин 1879).

В 1775 г. было образовано гильдийское купечество, в одну из трех гильдий которого можно было записаться в зависимости от объявленного капитала. Окончательное оформление купеческого сословия завершилось с изданием в 1785 г. Городового положения. Купцы всех трех гильдий освобождались от рекрутской повинности (службы в регулярной армии), а 1-й и 2-й гильдий — от телесного наказания. Купцы 1-й гильдии получили право иметь фабрики и заводы, загородные дома, морские суда и торговать за пределами империи. Вторая гильдия занималась промыслом внутри России, а купцы 3-й гильдии ограничивались мелким торгом, содержанием трактиров, постоянных дворов, бань. При Екатерине II купцам 1-й и 2-й гильдии разрешили носить шпагу и посещать императорский Двор, они стали получать чины, а это открыло возможность к переходу из купеческого сословия в потомственное дворянство. По мнению Е. П. Карновича (1887: 35), этим переходом состоятельного купечества в дворянство и “объясняется недолговечность торговых домов”.

Неустойчивость купеческих династий связана с разными причинами (с экономической политикой государства и пр.), но это выходит за рамки настоящей статьи, однако отметим, что продолжительность купеческого рода в Петербурге в XIX в. составляла как правило 2 (реже 3) поколения, что было характерно и для Москвы (Бурышкин 1991: 18). Об этом говорит и выходец из купеческой семьи М. И. Пыляев:

Имена старых купцов беспрестанно исчезают из списков купечества: насчитать много купцов, чей дед и отец были купцами 1-й гильдии едва ли возможно; у нас купеческая фамилия почти всегда кончается со смертью основателя фирмы. Одно время богатые купцы тянулись в дворянство, хлопотали о получении чинов и спешили во что бы то ни стало родниться со знатными дворянскими фамилиями... Получивших дворянство купцов и торговавших после весьма немного (Пыляев 1887: 338).

В 1846 г. купцам был дарован орган самостоятельного управления под наименованием “С.-Петербургская Купеческая Управа”, который занимался всеми делами своего сословия и обязательно благотворительной деятельностью (*Пятидесятилетие С.-Петербургской купеческой управы* 1900), а в 1863 г. купечество разделилось на две гильдии, при этом указывалось: “Купеческое звание по самому существу своему не наследовано. Название купца получает только то лицо, на имя которого выдано свидетельство на право торговли”. Купцы, помимо “свободы от телесного наказания”, впервые получили право “на сво-

бодное проживание во всей Империи”, а купцы 1-й гильдии — на почетное гражданство, и как прежде могли “за оказанные отечеству особо важные заслуги удостоиваться награждения чинами и орденами” (*Краткий очерк об учреждениях 1908*: 126-128).

По разному отнеслись купцы к совместному проведению досуга, когда в 1861 г. открылся клуб (в доме Руадзе, на Мойке), официально именованный “С-Петербургским Русским купеческим Собранием”, в уставе которого говорилось:

С.-Петербургское Русское купеческое Собрание имеет свою целью доставлять членам своим и их семействам возможность проводить свободное от занятий время с приятностию и пользою. С этой целью Собрание дает для своих членов и их гостей балы, маскарады, семейные обеды, танцевальные, музыкальные и литературные вечера, выписывает газеты, журналы и вообще лучшие периодические издания и книги, а также приглашает лиц специальных по разным наукам для чтения лекций, которые служили бы к распространению между членами Собрания полезных сведений и знаний (*Устав 1880*: 1-2).

В клубе разрешалось играть на деньги в карты и бильярд, не уплативших проигрыша за игру исключали из Собрания. Н. А. Лейкин, отец и дядя которого состояли в правлении клуба, вспоминает:

Купеческие семьи, сидевшие у себя дома взаперти и выезжавшие только на свадьбы и именины к своим же знакомым купцам, впервые начали выезжать в этот клуб... Для купеческой публики все это было тогда новостью. Среди купечества путем этого клуба совершался какой-то нравственный подъем. Люди среднего торгового класса стали искать просветления... Но были и противники этого клуба среди гостинодворского купечества. Десятки хозяев-гостинодворов, “людей старого леса”, как их тогда называли, открепивались и отплевывались от этого клуба, видели в нем яд и не только сами не записывались туда членами, но строжайше запретили своим сыновьям и своим приказчикам посещать его, грозя последним отказом от места... И образовались две партии среди среднего купечества. Одни ожили, искали света, то и дело употребляли модное тогда слово “прогресс”, а другие, видя что начала закипать жизнь и среди их сословия, еще больше сузили свободу своих сыновей и приказчиков (Лейкин 1907: 118-121).

Уместно отметить и огромную роль купцов в организации городских праздников и развлечений. Купцы возводили площадные театры и аттракционы (катальные горы и карусели) во время самых популярных

ежегодных народных гуляний на масленой и пасхальной неделях (см. Конечный 1989). Именно они открыли в городе общедоступные увеселительные сады для самой широкой публики и во многом способствовали формированию массовой зрелищной культуры (см. Конечный 1996).

До середины XIX в. упоминания о быте купцов встречаются, в основном, в работах по истории города и физиологических очерках. В XVIII в., по наблюдению И.-Г. Георги, петербургское “*купечество*, даже и богатейшее, придерживается более, как в одежде, так и в столе, умеренным отечественным обычаям... *Женщины* не имеют предписания в одежде... и часто видно, что муж, да и сыновья носят Российское, а женщины в доме чужестранное и самое модное платье” (Георги 1996: 444-445).

А. П. Башуцкий, выпускник Пажеского корпуса и адъютант при петербургском генерал-губернаторе, в своем историческом обзоре *Панорама Санктпетербурга* (СПб. 1834) впервые приводит пространную характеристику купеческого сословия, отмечая незыблемость его бытового строя:

Купечество русское по образу жизни, занятий, привычным сношениям с людьми своего состояния, частью же по старинным предрасудкам мало смешивается с прочими сословиями... В лучших семействах купеческих поощряют сношения их с высшими сословиями... Гостеприимство, радушие, щедрость на милостыню, почтение, ненарушимость родственных связей и набожность сохраняются в купеческом сословии свято. Национальность и старина, удерживающие свой добрый характер, но одетые, украшенные почти всем, что новейшая общежитность ввела во вкусы проявляются здесь на каждом шагу. В пышно убранных домах блестят зеркала, золоченые карнизы, бронза и хрустали различных форм и веков, но тут же мебель самая богатая перемешана с самою простою. В главном углу комнаты всегда находятся огромные в драгоценных окладах иконы, перед которыми неугасимо теплятся лампы. Как убранство жилищ, так присмы и одежда различных лиц одного семейства представляют странные противоположности: нередко отец носит окладистую бороду и длинный русский кафтан; мать повязывает голову платком, но одевается в немецкое платье, которое для выездов закрывает *салопом* яркого цвета или сверх русской телогрейки носит дорогую шаль; дочь к нарядам, шитым по последней парижской моде, прибавляет обыкновенно любимые купеческим сословием украшения: цветы, жемчуг, бриллианты, перья; один из сыновей рядится как лондонский денди и старается перенимать все привычки

светской молодежи, тогда как другой, сидя в лавке своей в Гостином дворе, встречает покупателя с калачем или стаканом сбитня, и если тот неосторожно промолвится по-французски или по-немецки, он отвскает ему на том же языке. Входя в дом, родители крестятся перед иконою и после кланяются обществу, дети между тем развязно приветствуют знакомых модным пожатием руки и лепетом на иностранных языках... В купеческих фамилиях, принадлежащих к сословию старообрядцев, не только наружное, но и внутреннее воспитание приемлются не столь охотно: они вообще не любят иностранных языков, почитают ненужными некоторые знания, и с другими сословиями мешаются как будто более по необходимости, нежели по желанию (Башуцкий 1834: 52-55).

Что касается немецкого платья, которое упоминает Башуцкий, то носить его было предписано Петром I, а одеваться по моде женщина могла только с дозволения главы семейства. Башуцкий говорит о богатом убранстве домов (это могли себе позволить в это время только купцы I-й гильдии) и обращает внимание на знание купеческими сыновьями иностранных языков. Купцы, которые имели право вести торговлю с заграницей, поневоле вынуждены были прибегнуть к помощи своих сыновей, которых стали отправлять на учебу в Реформаторское училище изучать иностранные языки.

Под воздействием Запада и норм городского этикета, и разумеется для более успешного ведения дел, часть купцов, особенно биржевых, отказалась от бороды и перседелась в европейские костюмы. На эти перемены обратил внимание В. Г. Белинский в очерке *Петербург и Москва* (1845):

Что же касается до петербургского купечества — оно резко отличается от московского. Купцов с бородами, особенно богатых, в Петербурге очень мало, и они кажутся решительными колонистами в этом осевропеившемся городе; они даже выбрали особенные улицы своим исключительным местом жительства: это — Троицкий переулок, улицы, сопредельные Пяти углам, и около старообрядческой церкви. В Петербурге множество купцов из немцев, даже англичан, и потому большая часть даже русских купцов смотрят не купчинами, а негодьями, и их не отличить от сплошной массы, составляющей петербургское среднее сословие (Белинский 1984: 66).

Однако напомним об ироническом и неприязненном отношении к купцам всех слоев общества. П. А. Бурыйкин, представитель второго поколения московского купечества, так объясняет стереотип подобного мнения:

Обоснования недоброжелательного или пренебрежительного отношения к купеческому классу можно свести к трем моментам: во-первых, иностранцы создали легенду о том, что характерной особенностью торговых людей в России является их бесчестность и плутовство, во-вторых, русская литература, изображавшая лишь теневые стороны русского купечества, создавала ему характеристику “темного царства”, и, наконец, существовали пережитки настроений русских аграрников, продолжавших считать, что Россия должна оставаться страной земледельческой (Бурышкин 1991: 41-42).

Упомянутый выше М. И. Пыляев, выросший в купеческом доме, явно подпадает под устойчивое представление о “темном царстве”, говоря о своем далеком сословном предке в книге *Старый Петербург*. “Образ жизни купца XVIII века, — пишет он, — был таков, что блаженство его состояло в том, чтобы иметь жирную лошадь, толстую жену, крепкое пиво, в доме своем особенную светелку, баню и сад. Утром сидел он в лавке, где с знакомыми и покупателями выпивал несколько так называемых “галенков” чаю. После обеда спал три часа, а остальное время проводил с приятелями, играя в шашки на пиво... Купец всегда любил выпить, и помимо разных семейных празднеств: именин, родин, крестин искал случая напиться, особенно баня также еженедельно давала предлог к пьянству и созывам гостей. Летом в праздники купцы с друзьями ездили за город с пирогами, самоварами и водкою. Смотрение кулачных боев, медвежьей травли, катанья с гор составляли любимейшие зимние удовольствия... Дед нынешнего купца носил русское платье, ходил “при бороде”, летом был в чуйке, зимою в шубе; вид его был смиренный, богобоязливый, почитал он после Бога власть, поставленную от Бога, стоял почтительно за прилавком, снявши шапку пред благородною полициею, боялся военных, чиновников, целый вск обдергивался, суетился. Жену, детей держал в черном теле и в страхе Божьем... В торговле в то время первое дело было зазвать к себе покупателя и отбить последнего у соседа. Когда покупатель в лавку был зазван, торговец старался улестить его, отвести ему глаза, продать товар втридорога” (Пыляев 1887: 319-321).

В данном случае нас интересуют не мотивы распространенного взгляда на купечество, а его бытовой уклад, который унаследовал традиции крестьянского образа жизни и устои старообрядчества. В таких домах особо почитали веру, строго соблюдали обряды и сохраняли обычаи предков в семье, повседневной жизни, поведении, одежде, еде и пр.

Из привлеченных нами источников наибольший интерес по быту купечества представляют свидетельства выходцев из этих семей — Г. Т. Полилова-Северцева и Н. А. Лейкина.

Г. Т. Полилов-Северцев в воспоминаниях *Наши деды — купцы* (СПб. 1907) дает панораму купеческого быта 1820-х-1840-х гг. Здесь же помещен *Дневник купеческой девушки (1831-1832)* — тети Г. Т. Полилова-Северцева. “В этих далеко неполных очерках, — пишет он, — я старался поместить все, что более или менее могло иллюстрировать и осветить быт петербургского биржевого купечества, хотя должен сознаться, что материалов этого описания существует очень мало, при том же русское купечество неохотно соглашается предавать их печати” (Полилов-Северцев 1907: 80). Дед Г. Т. Полилова-Северцева, Егор Тихонович Полилов (1788-1845), родился в Орловской губернии в купеческой семье; в 1814 г. по приглашению местного купца приехал в Петербург и служил у него до 1816 г., когда открылась Биржа на стрелке Васильевского острова и с этого времени Е. Т. Полилов постоянно работал на Бирже, торгуя пенькой (Полилов-Северцев 1907: 8, 11), состоял в 1-й гильдии.

Н. А. Лейкин (1841-1906) в книге *Мои воспоминания* (СПб. 1907) в мельчайших подробностях воссоздает жизнь небогатой купеческой семьи (конца 1840-х - начала 1860-х гг.), а такие и составляли основную массу сословия. “Род наш — один из стариннейших купеческих, — вспоминает он, — состоял в петербургском купечестве с 1784 г., записавшись из ораниенбаумских купцов” (Лейкин 1907: 3). Лейкин окончил Реформаторское училище (1859), где учился и дружил с М. И. Пыляевым, какое-то время работал у отца в Гостином дворе и знал “изнутри” купцов и торговцев, которых описал в книге *Апраксинцы. Сцены и очерки из быта и нравов петербургских рыночных торговцев и их приказчиков полвека назад* (впервые опубликованы в 1863 г.), а также в других многочисленных набросках “с натуры”.

Ограничиваясь выбранным кругом источников (см. список Литературы), и привлекая цитаты из мемуаров и очерков, приводим общую картину купеческого быта, куда включаем:

- 1) Дом. Интерьер жилья. Прислуга;
- 2) Семья. Воспитание детей;
- 3) Домашние обеды;
- 4) Бытовое поведение (Распорядок дня. Обычаи. Одежда. Чудачества);
- 5) Свадьба. Календарные праздники;
- 6) Дача. Развлечения.

1. Дом. Интерьер жилья. Прислуга

Купцы селились как правило вблизи места своей работы (у Биржи, Гостиного двора и т. д.). Если была возможность, покупали или строили для себя дом, однако большинство снимало квартиры в доходных домах, владельцами которых в основном также были купцы.

Убранство квартиры определялось вкусом и состоянием их владельцев. В домах купцов 1-й гильдии обязательно находилась старинная мебель красного дерева (столы, стулья, буфеты, комоды, сундуки, платяные шкафы, конторки и пр.), все это перемежалось с мебелью другого стиля, картинами, зеркалами, настенными часами, музыкальными инструментами, непременными портретами хозяев в молодости и пр. Для подобных домов, как отмечали устроители музея купеческого быта в доме купцов Ковригиных (был открыт в 1923 г. Обществом “Старый Петербург” на Васильевском острове: 6-я линия, 21), в мебелировке прослеживалась следующая тенденция: к середине XIX в. “выходят из моды массивные, отяжеленно богатые вещи Николаевского времени и заменяются более легковесными и капризно-искусственными вещами времени Александра II и Луи-Филиппа” (*Дом Ковригиных* 1923: 53).

Н. А. Лейкин приводит описание квартиры апраксинского купца 1850-х годов:

Тяжелая старая мебель почернелого красного дерева, с медными украшениями в виде полосок и розеток; кресла с лирами вместо спинок, пузатый комод на львиных лапах и горка с старинным серебром и аппетитными чашками с изображением птиц, генералов и криворотых барышень. На стене портреты [хозяев] Ивана Михеевича и Аграфены Ивановны, снятые в молодых годах, да картины: Фауст играет в шахматы с Мефистофилем и неизбежный Петр Великий на Ладожском озере, — на темнозеленых волнах лодка с переломленной мачтой, которую придерживают два гребца. Немного подале висят часы, на циферблате которых фламандские крестьянин с крестьянкой (*Лейкин* 1904: 84-85).

Сам Лейкин (в конце 1840-х – 1860-х гг.) жил в доходном доме на Владимирской улице, где его отец, торговавший в Гостином дворе, снимал квартиру из шести комнат:

Комнаты были маленькие, окрашенные клесвой краской, с панелью другого цвета, и по стенам были выведены фризы, а в углах белых потолков намалеваны по трафарету какие-то цветные вазы. Бумажные обои тогда [в конце 1840-х гг. - А. К.] только еще входили в моду и были очень редки и дороги. Мебель была потемнелого красного

дерева, мягкая, но не пружинная, потертая и в чехлах. На окнах висели кисейные занавески, перед простеночными зеркалами на ломберных столах с бронзовыми ободками стояли подсвечники с никогда не зажигавшимися восковыми свечами. Стеариновых свечей тогда не было и жгли только салные свечи, снимая нагар с их светил щипцами. Восковые свечи перед большими праздниками всегда мыли с мылом, так как они до того засиживались мухами и покрывались копогью, что делались пестрыми. В углах каждой комнаты было по нескольку старинных икон в серебряных окладах, с серебряными же лампадами. Иконы эти были родовые, от прапрадеда, прадеда и деда, и каждая имела свою историю, которые так любил рассказывать отец. Одна икона Тихвинской Божней Матери в натуральную величину называлась старообрядческой... Прабабушка была старообрядка бесноповщинского толка... Полы у нас в квартире были протые крашенные и по субботам происходило генеральное мытье их, после чего расстилались половики, пологняные дорожки, а вечером во время всенощной зажигались у икон все лампы (Лейкин 1907: 8-10).

В большинстве купеческих семей по хозяйству помогали дети или приживалки из родственников, поэтому прислуга часто состояла лишь из няни и кухарки (особенно ценилась мастерица печь пироги), которые жили в доме и нередко садились за стол со всем семейством.

2. Семья. Воспитание детей

Купцы как и крестьяне имели много детей (у биржевика Е. Т. Полилова их было 8, у торговца Лейкина — 6).

Религиозным воспитанием детей занималась мать (иногда тетя или бабушка), заставляя их ежедневно читать молитву, знакомила с Библией. Мать также учила детей грамоте и наказывала их, когда считала это необходимым. «Наказывала нас, детей, мать довольно часто, хотя и любила нас горячо. В спальне ее, за туалетным зеркалом, всегда торчала розга, и эта розга всегда ходила по нас, когда мы упрямылись, дерзничали или портили какие-либо вещи, — вспоминает Лейкин. — Мать была горяча, но отходчива. Когда гнев ее проходил, она выманывала меня из-под кровати уже гостинцами. Отец был мягче матери, и когда мать наказывала, отнимал меня от нее, но и он два отхлестал меня подтяжками. Секли обыкновенно, повалив на четвереньки и ущемив голову между колен. Тогда это было в обычае и составляло непрременную суть воспитания детей... В большом ходу были ремненные плетки, продававшиеся в игрушечных и щепеных магази-

нах, и эти плетки даже дарили детям на елку... Розга и плетка ходили и по девочкам... Мать моя тоже не делала исключения для моих маленьких сестер. Плетка имела гражданственность, была какой-то непрременной принадлежностью воспитания и учения. Когда меня посадили за азбуку... прежде всего положили на стол плетку. Делалось это добродушно, без злобы, но делалось. Была даже поговорка о плетке при учении: “аз, буки – бери указку в руки, фита, ижица – плетка ближится”. Были случаи, когда нас, детей, стегали ласково, ради обычая, например, в Вербную субботу, возвратясь от всенощной с освященной в церкви вербой. Делали вербой три удара и приговаривали: “Верба – хлест, бей до слез, третье – на здоровье”... Так было заведено у нас, у нашей родни и знакомых наших из купечества” (Лейкин 1907: 27-29).

Купцы владели грамотой, это шло от староверов, собирали книги, иногда переписывали их и устраивали домашние чтения вслух: “В зимние вечера у нас иногда происходило и литературное чтение. Дядя Василий, любитель стихов, читал по рукописным экземплярам *Евгения Онегина* Пушкина и *Горе от ума* Грибоедова. Печатные экземпляры были тогда очень редки. Читались и *Мертвые души* Гоголя. А все домашние сидели и слушали. Чтение происходило в маленькой гостиной при двух сальных свечах, — пишет Лейкин, — читали и *Ивана Выжигина* Булгарина, который тогда имел большой успех. Читали *Тысячу одну ночь* — арабские сказки Шехерезады. Мать крестная рассказывала эпизоды из романов Купера и Вальтер Скотта. Отец и дядя знали наизусть много цитат из *Евгения Онегина* и *Горе от ума* и очень часто употребляли их в разговорах. Переписаны экземпляры этих сочинений были самим дядей Василием” (Лейкин 1907: 36-37). В семьях староверов “чтение каждой светской книги и газеты считалось грехом и отпадением от религии” (Лейкин 1904: 109).

Девочкам, особенно в дореформенные годы, даже в богатых семьях не разрешали поступать в учебные заведения. «Дочерям, согласно условиям и взглядам того времени, дед дал очень скромное образование. Татьяна Егоровна училась в небольшом пансионе там же на Петербургской стороне; приходила учительница на клавикордах, но все это продолжалось недолго, — свидетельствует Г. Т. Полилов-Северцев. — Увидев у дочери учебник французского языка, отец рассердился: “Не пригоже, чтобы дочь знала язык, которого не понимает ее отец”» (Полилов-Северцев 1907: 30).

Сыновей отправляли учиться, если они продолжали дело отцов. Лейкин говорит, что его отдали в Реформаторское училище, потому

что “отец и дядя, служа у иностранных купцов, где обращение со служащими было неизмеримо лучше, чем у русских купцов, и проча и меня на службу в подобную контору, хотели чтобы я научился немецкому и французскому языкам” (Лейкин 1907: 55). А биржевые купцы могли позволить себе взять гувернера для обучения детей иностранным языкам (Дом Ковригиных 1923: 55).

Бывали случаи когда дети, несмотря на запреты отца, шли учиться по своему выбору. Так, сын Е. Т. Полилова в 1820-х гг. ходил слушать публичные лекции, выучил английский, французский, шведский и финский языки (Полилов 1908), а сын биржевика Ковригина окончил Академию художеств (Дом Ковригиных 1923: 55). На таких детях и обрывалась купеческая династия.

3. Домашние обеды

“Русская петербургская кухня, сформированная иностранными поварами, приятна, сытна; в ней однако же замтно более простоты и вкуса”, она “сохранила национальные и усвоила славные блюда всех земель”, — писал А. П. Башуцкий в 1834 году, утверждая при этом, что “непомерное множество блюд и различных вин есть первое условие богатого купеческого дома” (Башуцкий 1834: 53, 62).

Однако даже в состоятельных купеческих домах повседневные обеды, когда за столом не было гостей, не отличались изыском. У Полилова “обед был незатейливый, но сытный, вина за столом не полагалось, пили один квас”; на ужин “подавался суп, щи или другое какое-либо горячее варево” (Полилов-Северцев 1907: 26-27). Знаменитый и богатейший петербургский лесоторговец В. Ф. Громов предпочитал “русские щи, студень, солонину, пельмени и проч. в этом роде” (*Воспоминания* 1870: 104). А в доме крупного подрядчика в начале XX века “стол был самый простой, без всяких деликатесов” (Засосов, Пызин 1991: 66). В больших семьях, как у Лейкина (11 человек), главной едой была мучная пища:

Воскресенье ощущалось и по пирожной опаре, которая ставилась в субботу в кухне в большом горшке. Без пирога в воскресенье или в какой-либо праздник за стол не садились. А пирог всегда был громадный, так как накормить нужно было много ртов. Дабы угодить на разные вкусы, его пекли с двумя, а иногда и с тремя разными начинками по концам. Пирог был всегда гордостью кухарки и хозяйки. В особенности ценились постные пироги. А постное мы ели не только по постам, но даже в среду и в пятницу. Впоследствии как-то среды

и пятницы отпали, но посты остались, и я помню, что на первой и на последней неделях Великого поста не ели даже рыбы. Вот в эти-то недели пироги уже царили ежедневно. Пеклись пироги с капустой, с лапшой, с грибами, с зеленым луком, с гречневой кашей, с рисом, с манной крупой, с солеными груздями и т. д., а сладкие пироги, помимо ягодного варенья, с моченой брусникой, с сушеной малиной, с миндалем и коринкой, с изюмом и т. д. Каждый день к столу подавалась какая-нибудь каша. Вообще мучного и в скоромные дни ели больше, чем мяса. На масленой неделе мясо совсем исчезало со стола и заменялось рыбой, а блины пекли, начиная с сборного воскресенья, каждый день по два раза. Не говоря уже о масленой и Пасхе, когда в изобилии пеклись куличи на всю неделю, усиленной мучной едой отмечались и другие праздники. Так, например, на Крестовоздвижение пеклись из теста кресты, на 40 мучеников – жаворонки, а во все родительские субботы – блины и приготавлился кисель. Кисели ели, помимо ягодных, миндальные, гороховые, овсяные. Думаю, что такой перевес мучной пищи надо приписать относительной дороговизне мяса, потому что помню жалобы матери, что к говядине “приступа нет, сделалась 10 коп. фунт”. Это было в конце сороковых и в начале пятидесятих годов (Лейкин 1907: 10-12).

Но когда наступал праздник, стол оформлялся особо торжественно и здесь проявлялась вся фантазия хозяина. “Новый год. Утро. Еще и десяти не било, а уж в зале у купца Обруваева в углу был поставлен стол, покрытый белой скатертью, и на столе стояла закуска: пирог с сигом и визигой, селедки, икра, сыр, сардинки и целая шеренга бутылок с самыми пестрыми ярлыками и графинов с серебряными ожерельями, в которые были вставлены бумажки с надписями вроде следующих: “на косточках, желудочная, для живота”. На двух же графинах с простой водкой надписи гласили: “купеческая”, на другом — “монашеская”. Хозяин, “полный мужчина в новом сюртуке и с напомаженною полуседою бородою из-под которой виднелись две золотые медали, скрипя ярко вычищенными сапогами важно ходил по комнате и ожидал гостей, долженствующих явиться с визитами” (Лейкин 1871: 1).

4. Бытовое поведение

(Распорядок дня. Обычаи. Одежда. Чудачества)

Городская торговля шла круглый год, кроме трех праздничных дней: первого дня Пасхи, Троицы и Рождества, а также работали до полудня в Прощеное воскресенье на масленой неделе и в Фомино воскрес-

сенне (после Пасхи), когда хозяева производили расчет с приказчиками, “молодцами” как их называли. До 1860-х гг. существовал “обычай, что лавочный приказчик должен быть непременно холостой и жить в квартире хозяев. Как только приказчик задумывал жениться и бракосочетание совершалось он терял место” (Лейкин 1907: 123).

Купцы вставали с рассветом, а обедали как правило дома, но в разное время: гостинодворы, апраксинцы и пр. — в 12 часов, а торговавшие на Бирже — после ее закрытия, в 4-5 часов; ужинали вечером в 8-9 часов.

За продуктами на рынок ходили купеческие жены, а не прислуга, “посылать покупки на дом не было в обычае тогдашних купцов” (Полилов-Северцев 1907: 178).

В застолье соблюдали ритуал: “Во время еды все должны были молчать, произнесенное кем-либо из обедающих слово сердило главу семьи, и в наказание он ударял виновника по лбу ложкою. Прислуга молча переменяла кушанье, дед ее приучил понимать, что он указывал знаками. Окончив обед и помолвившись Богу, разрешалось говорить, но и тут не громко. После обеда, по русскому обыкновению, дед ложился часа на полтора отдохнуть” (Полилов-Северцев 1907: 26). “Купцы из лавок ходили обедать домой и после обеда ложились отдыхать. Это был повсеместный обычай, — свидетельствует М. И. Пыляев. — Не отдыхать после обеда считалось в некотором смысле ересью, как всякое отступление от прадедовских обычаев” (Пыляев 1887: 321).

Жизнь в купеческом доме протекала в кругу семьи. Гостей приглашали в основном по праздникам (в первый день Рождества и Пасхи; на святки в дом впускались ряженные; в Новый год принимали визитеров с поздравлениями, но встречали его с родственниками) и в дни особых семейных торжеств. “Знакомства особенного большого дед не любил водить. Кроме уже упомянутых раньше браковщика Андрея Чернова, доктора Кадетского корпуса Андрея Егоровича Шестакова, соседей по дому семейства Мошниных, да дальних родственников Бакалягиных, гостей не бывало” (Полилов-Северцев 1907: 31). Лейкин отмечает, что “ходить накануне воскресенья и праздников в гости и принимать у себя гостей считалось у нас грехом. Впоследствии это стало изменяться” (Лейкин 1907: 51). А когда гости все же собирались, то после обеда мужчины усаживались играть на небольшие деньги в карты (“горку”, “три листа”, “трынку”, “ламуш”, “бостон” и др.), а женщины в соседней комнате вели за чаем со сладостями свои разговоры.

В праздничные дни купцы наносили визиты друг другу, оставались у кого-нибудь на обед, или принимали у себя. А их приказчики, завив волосы в парикмахерской и поздравив хозяев, отправлялись погулять в трактир (где иногда играли в бильярд, “пыряло” как называли его апраксинцы). Особенно широко гуляли приказчики, получив расчет в Фомино воскресенье. “В этот день молодцы [приказчики - А. К.] загоняются надолго, вплоть до Рождества и потому гулянка эта прощается и от самих хозяев, – вспоминает Лейкин, – ведь этим днем заканчивается торговый год, как же не отпраздновать его?” (Лейкин 1904: 149).

Сложившееся мнение, что ресторанный гуляка — прежде всего купец, требует коррективы. Если говорить о купечестве как о сословии, то, во-первых, купцы дорожили своей репутацией, а дело было смыслом их жизни, во-вторых, они представляли самую малочисленную часть от всего населения Петербурга (об этом см. ниже), и, наконец, приказчики и дети купцов, посещавшие питейные заведения, не имели никакого отношения к купеческому сословию, если они не состояли в нем (оно не передавалось по наследству). Разумеется, среди постоянных ресторанных гуляк и дебоширов были и купцы, которые по разным личным причинам, или замороженные цыганским пением (см. *Дон Жуир* 1915), оставляли в заведении все свое состояние.

До середины XIX в., как утверждает Лейкин (1907: 74), “драка в Петербурге считалась даже спортом. На эти драки являлись зрителями купцы, часто и сами, не утерпев вступали в бой и награждали победивших деньгами, делая складчину”.

Посещали купцы бани (традиционный торговый промысел купечества), где “всегда были цырюльники, занимавшиеся кровопусканием всех родов и вообще лечением, а иногда проделывали это и простые мужики-парильщики, а в женских банях бабки-сторожихи” (Лейкин 1907: 17); для жен торговцев “баня была некоторого рода клубом”, куда они ходили по субботам “набираться новостей на целую неделю” (Лейкин 1904: 110-111).

Бытовало среди купцов и суеверие.

Против грыжи многие мужчины носили в ухе серебряную серьгу, а против какой-либо заразы непременно медный крест на шее, который часто вешался рядом с золотым, а также и ладанку с головкой чеснока. Также от заразы у входных дверей квартиры вешали открытую банку с дегтем и пучок чесноку. Эта была тогдашняя дезинфекция. Такие медные кресты и ладанки с чесноком носили на шее и мы, дети. Висели у нас и деготь и чеснок у дверей в квартире (Лейкин 1907: 19).

Масленица в Петербурге. 1880-е гг. Рисунок В. Полякова.

Существовало поверье, что “кормление птиц связано с благочестием. Почти каждый лавочник занимался этим, вынося по утру из лавки зерна и хлеб для голубей и воробьев, высыпал корм и при этом крестился... В радоницу, при поминовении усопших, кормили птиц на кладбищах. Члены нашей семьи возили на кладбище грачам, галкам и воронам даже говядину” (Лейкин 1907: 53). На могилах родственников “располагались с самоваром и с едой. Служили литии по покойникам. У мужчин не обходилось и без возлияний” (Лейкин 1907: 23).

Перед наступлением Великого поста, “когда масленица кончалась, выжигались сковороды от скороми. Для этой же цели выпаривали горшки, вываривались кастрюли в щелоке, а остатки скоромной еды отдавали кучеру, татарину, служившему у кого-то на нашем дворе” (Лейкин 1907: 11). По окончанию Великого поста было принято заключать новые торговые сделки.

В Вербную субботу приносили из церкви освященную вербу, которая “ставилась к образам, за киот, а один ее прут отделялся и помещался в бутылку с водой на окне; весной же, когда он давал корни, его в день радоницы, во вторник на Фоминой неделе, отвозили на кладбище и сажали в землю на могилах, христосуясь с покойниками” (Лейкин 1907: 29).

Купечество в своем костюме сохраняло специфические черты, выделялось среди других сословий, отдавая предпочтение уже вышедшим из моды у горожан, — длиннополым сюртукам у мужчин, сапогам, плотным тканям и шальям у женщин. Однако к середине XIX в. в Петербурге (а затем и в других городах) часть купечества в своей одежде начинает ориентироваться на рекомендации модных журналов. Биржевые купцы, ведущие заграничную торговлю, первыми последовали веяниям времени. Г. Т. Полилов-Северцев вспоминает как выглядел его дед в начале 1840-х гг.:

С совершенно бритым лицом, одетый всегда в сюртук с шелковыми отворотами, белую манишку, высокие воротнички которой подпирали подбородок, в то время как белая батистовая косынка с вышитыми концами, носимая тогда согласно моде вместо галстука, обтягивала шею, он совсем не походил на русских купцов, продолжавших в те времена носить длинные, чуть не до пят сюртуки, сибирки [короткий кафтан - А. К.] и сапоги с высокими голенищами. Точно также и цилиндр, носимый дедом неизменно летом и зимою, отличал его от русских торговцев, в большинстве случаев ходивших в высоких картузах (Полилов-Северцев 1907: 25-26).

Да и часть других торговцев не отставала от биржевиков. “Дед мой не одевался по-русски, как большинство тогдашних купцов, и не носил бороды, — пишет Лейкин (1907: 5). — Вообще он был то, что называлось купцом полированным, был прилично грамотный, носил фрак”, а “дядя сам брился и по-тогдашнему считался франтом, носил плащ альмавиву и серую шляпу” (Лейкин 1907: 38).

Жены купцов искали случая, чтобы выставить напоказ свои наряды. На самых значительных гуляньях, собиравших весь город и все сословия — масленице и первомайском в Екатерингофе — они появлялись со своими дочерьми “в тяжелых шелковых платках, в богатых платьях и канаусовых кацавейках [канаусовая кацавейка — просторная короткая кофта из шелковой ткани — А. К.]” (Лейкин 1904: 136). У незамужних девиц в моде были “соломенные шляпки, кибиточкой, желтым канаусом подбитые, а сверху бледная чайная роза приколота” (Полилов-Северцев 1907: 102).

Купеческие жены наряду с драгоценными камнями имели большое пристрастие к жемчугу, не говоря уже о головной прическе, где жемчуг находил себе применение во всевозможных ее украшениях. Чисто национальный русский костюм тоже не избегнул жемчужных украшений (Полилов-Северцев 1907: 188).

Чудачества проявлялись в нарушении норм одежды и этикета. Е. Г. Полилов, “сядась пить чай, надевал женский ситцевый капот с всевозможными бахромками, фалборками и с перелинкою, и в таком костюме проводил вечер” (Полилов-Северцев 1907: 26); в этом одеянии он принимал гостей и гонял на крыше своего дома любимых голубей. “Купцы, — утверждает М. И. Пыляев, — не стеснялись своими костюмами, и не только в баню ходили в халатах, но и в ложе Александринского театра можно было видеть в дни спектаклей почтенного отца семейства, заседающего по-домашнему в халате в кругу своих чад и домочадцев” (Пыляев 1898: 301).

Своеобразная оригинальность выражалась и в представлениях купечества об обычаях “благородного” сословия. Купец, получив орден Станислава на шею “за благочестие и позлащение иконостаса” и построив новый дом, решил дать обед для почетных гостей.

Обед стряпал “француз”, сервировка была отличная, меню на атласной ленте, с вензелевым изображением имени хозяина дома и под короной. Французу вменено было в обязанность, чтобы в числе кушаний была непременно подана коза с позолоченными рогами и чтобы на стерляди стояли раки на шпагах и чтобы “корякой”. — Как в

графских домах, — прибавил хозяин. Гостей звали на обед ровно в пять часов... Приютский генерал приехал первым (Лейкин 1880: 2).

Иногда чудачество становилось образом жизни, стилем повседневного поведения. Особенно прославился купец 1-й гильдии Е. Ф. Ганин (умер в 1830 г.), который сочинял драмы, сам ставил их и исполнял главные роли. Ганин жил в собственном доме, вблизи Смольного монастыря, при котором он оборудовал сад в подражание загородным императорским резиденциям, где проводил экскурсии для посетителей и устраивал “лукулловские праздники”.

Сад Ганина был невелик, но вмещал в себе громадное количество всяческих редкостей, в большинстве представляющих плод очень бойкой фантазии чудака... Весь сад вдоль и поперек был испрещен дорожками, канавками; обставлен затейливыми скамеечками, гротами, пещерами, беседками, киосками, павильонами и т. п. постройками, теснившимися друг подле друга. Между ними красовались фонтаны, водопады, пруды, горы, искусственные обрывы, мостики, переходы и, наконец, корабли с пушками, из которых к удовольствию хозяина в торжественные дни и приемы производилась стрельба. Кроме этого, в разных местах сада возвышались памятники, возникновение которых мотивировалось весьма заурядными событиями из жизни Ганина. Наибольший интерес представляли крепости, снабженные хорошими боевыми орудиями и механическими часowymi. Но забавнее всего был ганинский зверинец. Львы, тигры, медведи, волки, кабаны, верблюды, слоны, носороги, жирафы, страусы и проч. паслись на “розовых полянах” и на “огуречных куртинах” без присмотра, на свободе конечно, потому что они были деревянные, производства какой-то заграничной игрушечной фабрики. Некоторые из них, снабженные механизмом, делали движения, что иных посетителей приводило в ужас (Пыляев 1990: 466-488; о саде Ганина см. также: Касьянов 1875: 73-109; Пыляев 1994: 65-66; Пыляев 1887: 409-410).

5. Свадьба. Календарные праздники

Браки совершались только с одобрения родителей, чаще всего отца, “из воли родительской выходить не осмеливались, спрашивать у самой девушки хочет ли она замуж и не думали”. “Для сватовства, в особенности у купцов, необходимо было иметь сваху” (Полилов-Северцев 1907: 46, 41), многие торговцы считали, что “брак есть дело коммерческое и потому-то оно делается как биржевые дела чрез маклеров, то есть свах, которые имеют невест на все руки” (Лейкин 1904: 50).

Раёк на Марсовом поле. 1880-е гг. Рисунок неизвестного художника.

Важным событием для купеческих дочерей был Духов день, когда в Летнем саду ежегодно устраивалось гулянье с военными оркестрами, которое “в просторечии звалось смотром купеческих невест. И в самом деле низшее и среднее купечество вывозило и выводило на гулянье в Летний сад невест-дочерей, племянниц в летних модных обновках. Расфранченные женихи из купечества стояли шпалерами по бокам главной аллеи сада и смотрели на целый поток двигавшихся по аллее купеческих невест... Свахи, которых тогда в Петербурге было множество, шныряли от женихов к невестам и обратно и сообщали о приданном невест и о положении женихов” (Лейкин 1907: 138-139; см. также: Полилов-Северцев 1907: 102-103; Пыляев 1887: 66).

Больше всего свадеб справлялось до наступления масленицы, во время большого мясоеда. Вот как обыкновенно устраивались браки, вспоминает Лейкин:

Лишь только жених найдет себе подходящую невесту и сойдется в приданном по росписи, принесенной ему свахой, тотчас же просит у отца невесты назначить день последних смотрин. День назначается и жених в сопровождении родственников является в дом будущего тестя, который и встречает их... Все садятся, начинается разговор о погоде, о церквах и незаметно сворачивается на торговлю. Здесь жених крепись: он должен выказать все свое знание дела. Вскоре является невеста, робко потупляет взор, раскланивается и садится, за нею следом идут мать и сваха. Минут с десять все еще длится разговор, наконец жених встает с места и шепчет отцу невесты: “мне нужно с вами кой о чем переговорить”. “Пожалуйте, пожалуйста!” — отвечает тот, и они уходят в другую комнату. Здесь жених объявляет с каким намерением он пришел в дом и спрашивает все ли то есть за невестой, что означено в росписи. Тесть согласен, ударяет по руке будущего зятя, лобызает его, выводит его перед лицо невесты и объявляет женихом. Все молятся Богу, причем мать невесты и вся женская родня считают за нужное проследиться. Является бутылка херессу, присутствующие пьют и поздравляют с начатием дела. Жениха тоже принуждают выпить; он берет рюмку, прикасается к ней губами и снова ставит на поднос. Великий искус для пьющего человека! Но было бы верхом невежества, ежели бы он выпил всю рюмку, тогда он проиграл бы во мнении родни по крайней мере процентов на двадцать пять. Подают чай. Жених садится рядом с невестой... всеми силами старается быть любезным, хочет сказать что-нибудь дельное, но как ни осматривает потолок и печку в комнате, ища в них вдохновения, все-таки остается нем как рыба, а невесте самой начать разговор неприлично, — сочтется выскочкой, ей еще с малолетства натолковали, что она должна быть

скромною и больше молчать. Наконец жених откашливается и спрашивает: – Я вам нравлюсь? – Да... – отвечает невеста. – И вы мне тоже нравитесь. Погодите, мы с вами лихо заживем! Снова следует молчание и будущие супруги снова начинают созерцать – один потолок и печку, а другая – свое платье. Присутствующие выводят их из замешательства и продолжают прерванный разговор о торговле. На другой день отец невесты выходит в лавку, потирает, стоя на пороге свое брюшко и объявляет соседям, что выдает дочь за муж, выражаясь следующим образом: “А ведь мы вчера *дочку-то, Богу помолились, по рукам ударили, пропили!*” – За кого? – За Семёна Брюхина. – Ну, поздравляю! Славный парень! И через час весь Апраксин [двор] знает о вчерашнем происшествии. С этих пор жених начинает ходить к невесте каждый день вплоть до самой свадьбы (Лейкин 1904: 51-53).

В доме невесты часто проходили вечеринки: “жених является с приятелями и начинаются танцы. У невесты гостят ее подруги и помогают дошивать приданое” (Лейкин 1904: 53). Перед свадьбой жених устраивал для своих приятелей “прощальный кутеж” (иногда в гостиной), “проводя свою холостую жизнь” (Лейкин 1904: 56), а невеста собирала подружек на “девишник”.

“У апраксинцев, да и вообще у купечества средней руки, существует дикий обычай, — за день или за два дня до свадьбы ездить огромной компанией в баню, — указывает Лейкин, — мытье это происходит среди страшного пьянства. Тоже почти было и у женщин. Невеста в сопровождении своих подруг, свах, замужних родственниц и женской прислуги” также посещала баню. “Обычай требует, чтоб в этот день пили вино и подавали им на каменку” [печь в бане - А. К.] (Лейкин 1904: 56-57).

Накануне свадьбы жениху отсылали приданное, затем отправлялись в церковь венчаться и все завершалось обильным застольем. “День свадьбы обыкновенно празднуется у кухмистра (содержателя специального заведения, в котором готовились обеды по заказу - А. К.), где бывает обеденный стол и после танцы, нередко часов до шести утра” (Лейкин 1904: 51).

Главными праздниками были Пасха и Рождество. В первый день Рождества “утром все ходили к ранней обедне в церковь Владимирской Божией Матери, а вернувшись домой, разговлялись ветчиной и пили кофе со сливками. Зажигалась елка. Приходили мальчишки-славильщики со звездами из бумаги и славили Христа перед образом. Это были дети дворников, водовозов, ремесленников с нашего и соседних

дворов. Их приходило партий пять-шесть. Принимали их всех и давали им копейки по три, по пятачку. Также являлись христославы-будочники и тоже пели перед иконами... Их угощали водкой и давали им деньги. Затем приходили поздравлять дворники, водовозы, трубочисты, сторожа из церкви, парильщики из бани, сторожа из Гостиного двора, сторожихи и бабки из бани, просвирни (женщины в приходе, пекущие просвиру - А. К.), богаделенки, звонари с колокольни, мусорщики и проч. Хорошо, что тогда рубль имел цену большую и отец давал всем не более как по 20-30 копеек. Впрочем, всем поющим кроме того подносили водки и этого добра тогда к праздникам покупалось много. Христославие заканчивалось священниками из прихода, которые приходили уже часов около трех дня и непременно оставались выпить и закусить. Христа славили они уже навеселе. Затем отец надевал фрак и ехал делать необходимые визиты и в этот день обедать домой уже не приезжал. Дома у нас в этот день обеда с супом не было, но мы ели с утра до вечера с праздничного стола, который так и не убирался" (Лейкин 1907: 38-39).

На Рождестве нам устраивали елку, и елка эта зажигалась по-немецки непременно накануне Рождества, в сочельник. Отец и дядя мои служили приказчиками у немцев и с немцев брали пример. Сначала взрослые сходят ко всеобщей, вернутся и зажгут для нас елку. Помню, что мать тщательно оберегала нас от скороми и не давала нам накануне Рождества есть с елки пряников, которые ей казались скоромными. И мы слушались, оставляя эти лакомства до Рождественского утра. В Рождественский сочельник у нас в доме был пост строгий и женская половина до звезды, т. е. до вечера, ничего не ела, а мы, дети, питались только булками с постным чаем и не имели даже супу, в этот день до вечера и постное масло изгонялось. Да и сахар считался скоромным, так как он, как об нем тогда у нас говорили, бычьей кровью и костями очищается, а потому к чаю вместо сахара давали желтый изюм или красный мед. Игрушек на елку нам дарили много, так как тут были дары отца и матери, двух дядей, матери крестной, но игрушки эти были дешевые: куклы с головами из черного хлеба, выкрашенными краской, а то из тряпок с нарисованными физиономиями и с пришитой куделью вместо волос, но мать и мать крестная как портнихи одевали этих кукол по-своему, в более роскошные наряды и шили им костюмы. Затем неизбежными игрушками были барабан, бубен, дудка, труба из жести. Гостинцы, украшавшие елку, были самые дешевые. Конфеты, завернутые в бумажки с картинками, были из смеси сахара с картофельной мукой и до того сухи, что их трудно было раскусить. Картинки

изображали нечто вроде следующего: кавалер в желтых брюках и синем фраке и дама в красном платье и зеленой шали танцуют галоп и внизу подпись: “Юлий и Амалия”; пастушка в коротком платье и барашек, похожий на собаку, и подпись: “Пастораль”. Картинки эти раскрашивались от руки и очень плохо. Пряники были несколько лучше конфект. Они были из ржаной и белой муки и изображали гусаров, барынь, уперших руки в бока, рыб, лошадок, петухов. Ржаные были покрыты сахарной глазурью и расписаны, белые — тисненные и отдавали мятой или розовым маслом. Золоченые грецкие орехи, украшавшие елку всегда был сгнившие (Лейкин 1907: 30-32).

Далее следовали святки и Новый год. “Елка, зажженная в первый раз накануне Рождества, продолжала у нас стоять в украшениях вплоть до Нового года и зажигалась несколько раз. Устраивалась на святках всегда вечеринка, и большей частью в Новый год, когда дядя Василий бывал именинник, на которую приглашались родственники, приезжавшие с ребятами и маленьких двоюродных братьев моих и сестер у нас собиралось на елке человек до двадцати. Взрослые сидели играть в лото, а, мы, дети, рядились во что попало и бегали по комнатам в “уродских” и “арапских” масках. На святках обыкновенно нам дарили карикатурные маски с длинными уродливыми носами, вывернутыми острыми подбородками, с нарисованными волдырями на лбу и на щеках. Были и черные маски негра с красными губами. Девочки рядились всегда цыганками в пестрые платки, а мальчишки, большей частью, выворачивали шубы мехом вверх и, надев их, ползали на четвереньках, рыча и изображая медведей и волков. Угощением для детей были пряники, мармелад, пастила и орехи. Орехи давили дверьми. Трескотня шла по всей квартире. Играющим в лото взрослым подавались пунш, мадера, варенье. Помню, что блюдцев не полагалось к варенью. Варенье подносилось в вазочке, в ней была положена одна десертная ложка и все гости ели варенье по очереди с одной ложки. Варенье подавалось разных сортов. Подавались яблоки, нарезанные на четвертинки, синий изюм и миндаль. Вечеринка заканчивалась ужином, в котором играла главную роль ветчина с горошком и клетчатый пирог с вареньем и желе из белого вина с вареньем и восковым зажженным огарком внутри. Иногда во время этих вечеринок приходили неизвестные нам ряженые “на огонек”, как тогда говорилось. Эти ряженые в большинстве случаев были также в самодельных костюмах, пищали и ревели басом, называли хозяев и гостей по именам, и хозяева и гости старались угадать кто бы это были под масками. Таких ряженых впускали в дом после некоторых колебаний и расспросов и тщательно

следили за ними, чтобы они чего-нибудь не украли. Ряженные эти всегда являлись со своим музыкантом — гитаристом или скрипачем, тоже ряженным. Они плясали, напивались и уходили. Сестра моей матери, тетка моя Ольга, тогда молодая девушка, а вместе с ней и наша прислуга, гадали на святках про суженого, спрашивали на улице имена, смотрели в зеркало, подслушивали у дверей чужих квартир” (Лейкин 1907: 33-35; см. также: Полилов-Северцев 1907: 130).

Лейкин описывает и развлечения купеческих детей во время святок: “Хозяйские же сынки проводят святки весело. Бывают в театре, ходят в гости с родителями, маскируются и ездят на вечера. Обыкновенно это устраивается следующим образом: сговариваются несколько человек ехать *ряжеными*, нанимают карету и берут в костюмерных напрокат костюмы. Самые употребительнейшие костюмы это *шпанка* — испанский или тирольский костюм, *полька* — польский, *гамлетка* — черный бархатный со стеклярусом, *лемана* [Христиан Леман — знаменитый пантомимный актер балаганного театра в 1830 х гг. — А. К.] — пьеро, *гусарский* и еще костюм почему-то называемый *несчастливым немцем*; фрак и брюки в заплатках, рваные сапоги, мятая шляпа, высокий галстук с полисоном до половины ушей и огромного размера лорнетка. Ряженные не разбирают на сколько костюмы их национальны. Иногда бывает так, что в них смешаны две национальности: какой-нибудь испанец — с головы испанец, а с ног поляк, гамлет расхаживает в ботфортах со шпорами и на гусарах бархатная шапка со страусовыми перьями, размееется не настоящими” (Лейкин 1904: 37-38). Присхав в гости, ряженные танцевали кадрили и польку; их приглашали “покурить и *прохладиться*, то есть выпить хереску или модерки” (Лейкин 1904: 38)

К Крещенью, в крешенский сочельник, маски [ряженных] от нас отбирались и сжигались. Считалось, что после Крещенья грешно было держать их в доме. Являлись приходские священники с крещенской водой, нели, кропили квартиру, а по уходе их мы, дети, ставили мелом кресты на всех дверях и окнах “от нечистой силы”. Святки с их “бесовскими” играми считались законченными (Лейкин 1907: 35).

А вскоре “подкатывала широкая масленица” с балаганными театрами, катальными горами, каруселями, с обилием разнообразных зрелищ и развлечений (подробнее см. Конечный 1989). Эти празднества в начале XIX века проходили на различных площадях города и на льду Невы, позже — на Адмиралтейской площади (1827-1873) и Царицыном лугу (1873-1898). На это гулянье, которое продолжалось неделю, приезжали не только весело провести время, но и продемонстриро-

вать свой достаток (одежду, лошадей, экипажи), завести приятное и полезное знакомство.

В один из дней масленицы занимались извозчицы четырехместные, так называемые поповские сани, куда сажали нас, детей, и возили вокруг балаганов и гор, где в то время бывало народное гулянье. Катанье это было в большой моде у купечества. Богатые купеческие семьи показывали дорогие меха, рысаков, парадную упряжь. Да и не одни купеческие семьи. Этими катаньями не брезговал и высший свет. Сделав три-четыре круга, сани останавливались около какого-нибудь балагана и нас вели в места смотреть представление (Лейкин 1907: 29-30).

У гор на Адмиралтейской площади началась выставка физиономий и нарядов. Апраксинцы [торговцы], в особенности новоженевшиеся, также понесли туда выказывать свои наряды (Лейкин 1904: 100).

Во время Великого поста в гости и на развлечения не ходили. “Разве в воскресенье после обеда хозяйские сынки пройдутся часок по Невскому. О концертах с живыми картинками и помышлять не смей, -- родители прочтут такую рацею о суете мирской, что и охота пройдет” (Лейкин 1904: 108).

“Такой же порядок [как и на первый день Рождества] был и в первый день Пасхи, с тою только разницею, что всем приходилось христосоваться раз по сту, какой бы мужик не приходил. Отказываться считалось не по-христиански, не в обычае. Со всеми непременно обменивались яйцами. Яйца брали с собой, отправляясь с визитами. Некоторые приспособливали у себя особые мешочки у пальто для яиц. Заутреню в Пасху вся семья отстаивала в дни моего детства в церкви Владимирской Божией Матери — мужчины в алтаре, женская половина на клиросе за решеткой” (Лейкин 1907: 39-40). А затем отправлялись на пасхальное гулянье, которое проходило на том же месте, что и масленичное. “Впереди обыкновенно идет мать с дочерьми, а сзади в почтительном отдалении шествует сожитель с огромным синим или красным коленкоровым зонтиком на медной палке для того, чтобы в случае дождя прикрыть парадные наряды своих жен и дочерей”, которые выступали “как павы” (Лейкин 1904: 136).

Весной “ходили справлять семик в Ямскую на Лиговку. Ямская того времени жила деревенскою, подгородною жизнью. Девушки в семик ходили по улицам с брезками в руках, пели песни, водили хороводы, заплетали венки и опускали их на воду в Лиговку” (Лейкин 1907: 24).

6. Дача. Развлечения

Дачная жизнь у петербуржцев, судя по периодике, началась в 1830-х гг. Ф. Булгарин в своем фельетоне *Дача* среди приверженцев загородного отдыха в эти годы упоминает и купечество: “Не ищите летом купца в лавке, аптекаря в аптеке, немецкого мастерового в мастерской, бумажного дельца в кабинете! Все они на даче!” (Северная пчела 1837. 9 авг.). Однако Лейкин свидетельствует, что “в сороковых годах [1840] дача была достоянием людей со средствами, а в купеческом быту ею очень мало пользовались и люди состоятельные” (Лейкин 1907: 21).

Утверждение Булгарина, что “летом все купцы на даче”, относится в основном к купеческим семействам, которых отправляли на лето за город. Сами же купцы приезжали на дачу по воскресным и праздничным дням и если позволяли дела — в другое время, хотя какая-то часть торговцев, подобно мелким чиновникам, и по будням кочевала из города на дачу, а по утрам — обратно.

Состоятельные купцы предпочитали не покидать город, особенно те, которые имели свой дом с садом на Петербургской стороне (например, Е. Т. Полилов) или на Аптекарском острове, а дачу арендовали чаще всего многодетные семьи, жившие в доходных домах, при этом, в отличие от остальных горожан, они “оставляли за собой городские квартиры” (Лейкин 1912: 227).

Пока не появился удобный транспорт (конно-железные дороги, пароходные и дилижанские линии) местом летнего времяпрепровождения часто был Аптекарский остров и берега речки Карповки, отделявшей его от Петербургской стороны. Да и впоследствии, как отмечает М. И. Пыляев, на острове “большая часть дач принадлежала купцам” (1889: 38). Аптекарский остров привлекал своей близостью к городу (в южной части) и к Невским Островам (Каменный, Крестовский, Елагин), зеленым и пустынным, речным пространством, окружавшим его.

В серии очерков *Наше дачное прозябание* Лейкин приводит топографию дачных мест, где отдыхало купечество, и создает образ торговца, оказавшегося не у дел на лоне природы.

Карповка — это первая ступень дачной жизни. Серый купец, познавший прелесть цивилизации в виде дачной жизни и решаясь впервые выехать на лето из какой-нибудь Ямской или с Калашниковской пристани, едет на Карповку и потом, постепенно переходя к Черной речке, Новой деревне, Лесному дойдет до Парголово и Павловска. На Карповке он отвыкает от опорок, заменяя их туфлями, ситцевую рубашку с косым воротом и ластовицами [ластовицы — четырехугольные

разноцветные вставки под мышкою у русских мужских рубаш - А. К.), прикрытую миткалевой манишкой, меняет на полотняную сорочку, начинает выпускать воротнички из-за галстука, перестает есть постное по средам и пятницам, сознает, что можно обойтись и без домашних кваса и хлебов, начинает подсмеиваться над кладбищенскими стариками, наставниками древнего благочестия, сознает, что и "приказчики - тоже люди", укорачивает полы сюртука, отвыкает от сапогов со скрипом и впервые закуривает на легком воздухе "цигарку", - одним словом приобретает лоск и быстро идет по пути к прогрессу (Лейкин 1912: 226-227).

Биржевое купечество предпочитало Старую деревню, в которой было "много англичан купцов, из года в год арендующих дачи, много немцев купцов, много русских купцов, оперирующих на бирже, утративших свой первоначальный тип и отдавшихся подражанию англичанам и немцам. Обитатели Старой деревни наполовину рыболовы и охотники до экскурсий на лодках. Они щеголяют друг перед другом гичками [узкими лодками - А. К.], рыболовными принадлежностями, купленными в английском магазине, эксцентричными костюмами. Многие держат здесь как верховых, так и упряжных лошадей, коляски и выезжают по вечерам на елагинский пуант [т. е. на стрелку Елагина острова - А. К.]" (Лейкин 1912: 282).

Павловск был "аристократическим дачным местом", как и Каменный остров, где "все подстрижено, все прилизано, жизнь в корсете, прозябание на вытяжку" (Лейкин 1912: 239, 267). И только очень богатые торговцы, как В. Ф. Громов, могли позволить себе купить дом на Каменном острове (см. *Воспоминания* 1870), а купец из Перинной линии - жить в Павловске на даче рядом с генералом и "ежедневно дразнить генеральшу своими тысячными рысаками" (Лейкин 1912: 240).

И, наконец, своеобразным дачным "дном" была Волынкина деревня, находящаяся на взморье вблизи Екатерингофа, там проводили лето "купцы, хороводящиеся с актерами и идущие по пути к разорению" (Лейкин 1912: 216).

По воскресным и праздничным дням купеческие семьи, которые отказались от дачи или не имели на нее средств, отправлялись на загородные прогулки в Екатерингоф или на Крестовский остров.

Иногда в воскресенье семья наша ездил и за город на Крестовский или в Екатерингоф. Делалось это так: пекли дома пирог, забирали с собой закуску, самовар, чай, сахар, посуду, садились в ялбот на Фонтанке на углу Графского переулка и всей семьей, с двумя перевозчиками, отправлялись пить чай "под елки". По приезде на место

ставили самовар, согревая его еловыми шишками, собиравшимися нами, детьми, там же располагались на ковре, пили, ели и возвращались домой в сумерки (Лейкин 1907: 23).

На Крестовский ездили преимущественно купцы, мелкие чиновники и вообще средний петербургский люд... По праздникам сюда приезжало тоже немало публики. Здесь можно было встретить самые разнообразные типы: купцов в высоких шелковых гляцевых шляпах, в длинных черных сюртуках со сборками сзади, в сапогах с высокими голенищами; грузных раскрасневшихся купчих в цветных повойниках, в нестрых платьях с неизбежными ковровыми шальями на плечах, молоденьких чухонек [чухонец – прозвище пригородных финнов – А. К.] в их национальных костюмах, с распущенными волосами, скорее похожими на лен, приезжавших сюда с исключительной целью поплясать с русскими; мелких чиновников, забиравшихся сюда спозаранку. Вся эта толпа шумно разговаривала, невнимательно слушая скрипача или гитариста, непрерывно наигрывающих на своих инструментах различные песни. Под эту же музыку здесь танцевали и плясали. Все перемешивалось, чухонские слова слышались среди русского разговора и наоборот. Было весело, никто не претендовал на скудность развлечений, и все веселилось до упаду. В палатке торговали чаем, медом и квасом. Ни водки, ни незнаемого в то время в Петербурге пива и не было в номине (Полилов-Северцев 1907: 29-30).

Некоторые купцы страстно увлекались голубями (имели при своем доме голубятни) и рысистыми бегами (держали рысаков, участвовали в бегах), существовал даже кружок любителей гусиных боев (Полилов-Северцев 1907: 63), на даче проводили время за рыбной ловлей, иногда ходили в свой клуб играть в карты, изредка посещали театр (предпочитали Александринский) и увеселительные сады, выезжали на ежегодное первомайское гулянье в Екатерингоф, присутствовали на официальных городских торжествах. А именитых купцов 1-й гильдии приглашали в Зимний дворец на новогодний бал-маскарад (Полилов-Северцев 1907: 133-135).

В 1830-х гг. в моду входит фланёр. “На Невском проспекте гуляют только зимою и весной, — сообщает А. П. Башуцкий (1834: 87), — с приближением лета толпы редют и начинают переливаться отсюда на Адмиралтейский бульвар, Дворцовую и Английскую набережные и в Летний сад. Гулянье хорошей публики продолжается до четвертого часа”. Среди праздной толпы мелькали и купцы, но чаще их дети (Полилов-Северцев 1907: 121) и приказчики (Лейкин 1904: 42, 50), а биржевики появлялись и на стрелке Елагина острова.

Отношения “аристократии капитала” и “аристократов крови” всегда отличались взаимной неприязнью. Выезжая на модный светский фланёр, купечество тем самым проникало в чужое социальное пространство, но лишь наблюдало его, пребывая отстраненно. У Лейкина есть зарисовка сцены: во время светского вечернего променада на стрелке Елагина острова “среди аристократических экипажей виднеется и купеческий шарабан, в который запряжена шведка. В шарабане — купец с подстриженной бородой и в циммермане и купчиха в белой шляпке с целым огородом цветов. Они остановились и смотрят на закат” (Лейкин 1912: 291).

Купечество всегда было самой немногочисленной группой населения Петербурга, его численность постоянно менялась. Статистические очерки переписи населения (они стали выходить с 1869 г.) свидетельствуют о том, что в последней трети XIX в. количество купцов в Петербурге уменьшалось не только относительно, но и абсолютно: в 1869 г. купцов было 22,3 тыс., 3,3%, а в 1897 г. - 17,4 тыс., 1,4% (Юхнёва 1984: 43). Отчасти это можно объяснить тем, что обособленность купеческого сословия утрачивает былое значение, его покидают потомственные почетные граждане, другие уходят в крупную промышленность; уже не редкость образованные купцы, окончившие коммерческие училища, и браки с дворянами. В конце XIX в. проявляется сословная “диффузия”: часть дворянства, занимаясь промышленным и финансовым предпринимательством, обуржуазилась, а купечество стремится к открытости, впитывая традиции культуры привилегированной части общества, но сохраняет при этом внутри семьи приверженность к укоренившемуся быту.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Масленица в Петербурге. 1880-е гг. Рисунок В. Полякова. Народное гулянье на Марсовом поле. Слева – карусель с “дедом” на балконе; справа – раёк (деревянная будка с надписью “Панорама”).

2. Раёк (“Потешная панорама”) на Марсовом поле. 1880-е гг. Рисунок неизвестного художника.

ЛИТЕРАТУРА

[Башуцкий А. П.]

1834 Панорама Санктпетербурга. СПб. 1834. Ч. 3. Ближайшее знакомство с С.-Петербургом.

Белинский В. Г.

1984 Петербург и Москва. — Физиология Петербурга. М. 1984 (впервые: СПб. 1845).

[Березин А. П.]

1879 Сокращенная жизнь покойного Санктпетербургского купца первой гильдии Александра Петровича Березина, писанная по его воле незадолго до кончины... и наконец согласно образу его жизни и деяний вновь сочиненная Н. Н...., в 1807 г. — Русский архив 1879. Кн. 1. Вып. 2, с. 226-235.

Бурышкин П. А.

1991 Москва купеческая [Мемуары]. М. 1991 (впервые: Нью-Йорк 1954).

Воспоминания

1870 Воспоминания о Василии Федуловиче Громе. СПб. 1870.

Георги И.-Г.

1996 Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях онаго. СПб. 1996 (впервые: СПб. 1794).

Дом Ковригиных

1923 Дом Ковригиных. — Общество "Старый Петербург". 1921-1923. СПб. 1923, с. 47-74.

Дон Жуир

1915 Дон Жуир. Как мы веселились (Из воспоминаний). — Столица и усадьба 1915. № 35, с. 16-17.

Засосов Д. А., Пызин В. И.

1991 Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов. Записки очевидцев. Л. 1991.

Карнович Е. П.

1887 Наше купечество в прошлом веке. — Новь 1887. Т. 19. № 1, с. 32-36.

Касьянов К.

1875 Наши чудодеи. Летопись чудачеств и эксцентричности всякого рода. СПб. 1875.

Конечный А. М.

- 1989 Петербургские народные гулянья на масленой и пасхальной неделях. — Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования. Л. 1989, с. 21-52.
- 1996 Петербургские общедоступные увеселительные сады в XIX в. — *Europa Orientalis* 1996. № 1, с. 37-50.

Краткий очерк об учреждениях

- 1908 Краткий очерк об учреждениях С.-Петербургского купеческого сословия. СПб. 1908.

Лейкин Н. А.

- 1904 Апраксинцы. Сцены и очерки из быта и нравов петербургских рыночных торговцев и их приказчиков полвека назад. Изд. 4-е. СПб. 1904.
- 1907 Мои воспоминания. — Николай Александрович Лейкин в его воспоминаниях и переписке. СПб. 1907, с. 1-188.
- 1912 Наше дачное прозябание. — Он же. Неунывающие россияне. Рассказы и картинки с натуры. Изд. 2-е. СПб. 1912.
- 1871 Сцены из купеческого быта. СПб. 1871.
- 1880 Шуты гороховые. Картинки с натуры. Изд. 2-е. СПб. 1880.

[Полилов А. Е.]

- 1908 Из дневника юноши “тридцатых годов”. — Вестник Европы 1908. Т. 252. № 7, с. 97-120.

Полилов-Северцев Г. Т.

- 1907 Наши деды — купцы. Бытовые картины начала XIX столетия. С 12 рис. художника А. П. Апсита. СПб. [1907].

Пьяев М. И.

- 1994 Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб. 1994 (репринт издания: СПб. 1889).
- 1990 Замечательные чудаки и оригиналы. М. 1990 (репринт издания. СПб. 1898).
- 1887 Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб. 1887.

Пятидесятилетие С.-Петербургской купеческой управы

- 1900 Пятидесятилетие С.-Петербургской купеческой управы. 1847-1897. СПб. 1900.

Устав

- 1880 Устав С.-Петербургского русского купеческого собрания. СПб. 1880.

Юхнёва Н. В.

- 1984 Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX - начало XX века. Л. 1984.

